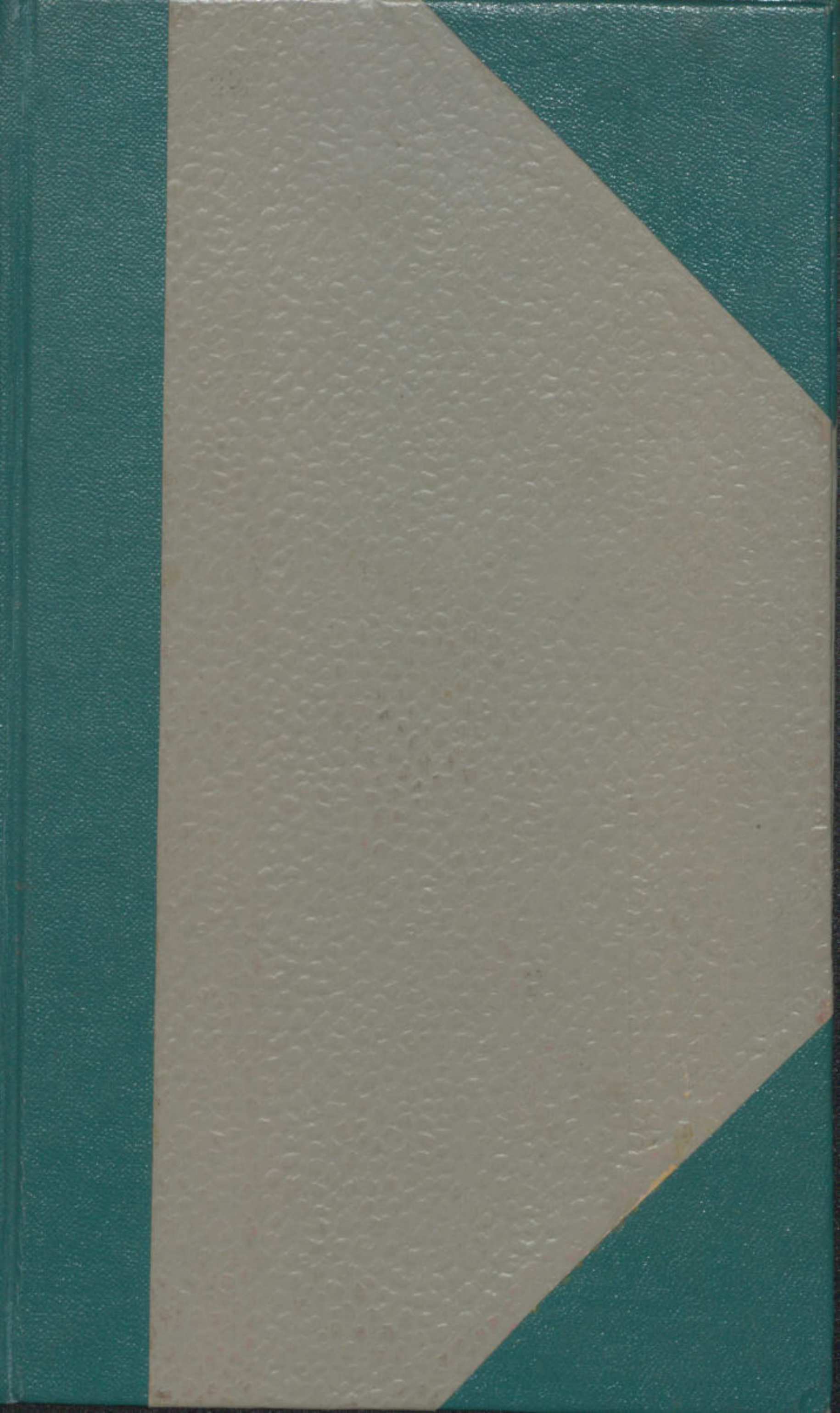
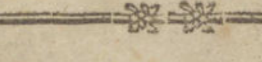

РАЗСУЖДЕНІЕ
О
ВРАЧЕБНОЙ НАУКѢ,
которую
НАЗЫВАЮТЪ
ДОКТОРСТВОМЪ.

Il y aura cent fois plus à craïndre des érreurs de l' Artiste, qu ' à esperer du Secours de l' Art.

Стократно больше опасаться надлежитъ ошибки отъ художника, нежели надѣяться помочи отъ художества.

Сочинено

Въ Санктпетербургѣ,

1774 года.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ВРАЧЕБНОЙ НАУКѢ, которую называютъ ДОКТОРСТВОМЪ.

Хотя *разсудокъ* есть такое въ человѣкѣ орудіе, которое на всякую вещь пригодно, и онымъ все въ свѣтѣ вырабатывать можно; однакожъ рѣдкіе изъ тѣхъ, которые разбираютъ и лѣчатъ болѣзни человѣческія, орудіемъ симъ пользуются. Они сами себѣ страннымъ образомъ противорѣчатъ. Два доктора ни когда объ одной болѣзни равнымъ образомъ не судятъ а часто случается, что и одинъ въ разные часы, о тойже болѣзни, разно разсуждаетъ. Великому числу не далекихъ умовъ молчаніе и холодный обо всемъ отзывъ, приписывается въ глубокой разумъ и понятіе: но врачамъ сею выгодою пользоваться не возможно. Они въ Школахъ и университетахъ тому обучаются, чтобъ ни на какой вопросъ имъ не молчать и о всякой

болѣзни говоритъ съ удостовѣреніемъ, какъ бы она ни закрыта была отъ ихъ понятія; ибо они знаютъ, что не знаніе есть бѣлая бумага, на которой ничего не написано, а они себя называютъ людьми учеными и врачевство знающими. Россійскій народъ недавно сталъ пользоваться наукою врачеванія. Онъ былъ въ прошломъ еще вѣкѣ изъ числа тѣхъ народовъ, которые не имѣя у себя ученыхъ докторовъ, вели жизнь простую, и жили безъ всякихъ врачебныхъ предосторожностей по сту лѣтъ на свѣтѣ, такъ какъ и теперь три части свѣта въ такомъ же небреженіи врачеванія остаются, имѣя истиннаго своего цѣлителя собственную свою природу, живучи долгіе вѣки на свѣтѣ. Собственный мой опытъ и долговременныя болѣзни, послѣ многаго врачеванія безъ успѣха, заставили меня о врачебной наукѣ размышлять и здѣлать слѣдущія примѣчанія.

Платонъ Философъ въ третей бесѣдѣ, о пользѣ врачебной науки, разсуждаетъ: (*) что бы

(*) *Platonis: Dialog. III de Republica, vel justo pag.* 121. Medici quidem Praestantissimi euaderent, si ab ineunte aetate praeter discendae artis studium, inter plurimos, corpore male affectos conversarentur ipsique omni morborum geere laborarent, natura que imbecilla essent.

бы быть прямымъ врачемъ, надобно, чтобъ отъ младыхъ лѣтъ человѣкъ сверхъ ученія врачебнаго, не токмо обращался самъ съ больными, но и своимъ опытомъ узналъ на себѣ всякаго рода болѣзни, и самъ слабаго былъ въ здоровьѣ сложенія. Таковому бы и я смѣляе въ руки себя отдалъ; ибо наши врачи не инако насъ нынѣ пользуютъ, какъ тѣ, которые сидя за столомъ, чертятъ на бумагѣ: моря, мѣли, камни и пристани, и потому почитаютъ корабль свой въ безопасности; пусти ихъ самихъ въ море, они тамъ свой корабль сокрушатъ, гдѣ не чаяли.

Ежели я подверженъ коликѣ, и въ тоже время подвергаюся докторскому запрещенію, которымъ лишаюсь ѣсть устерцы, дыни и все, что я особенно люблю, тогда двумъ вмѣсто одной болѣзни подверженъ становлюся; съ одной стороны мучитъ меня болѣзнь, а съ другой докторская заповѣдь. Но какъ я примѣтилъ, что строгое повиновеніе запрещенію, ни какой пользы не приноситъ, то и заповѣдь его мнѣ предписана была на удачу. Не лутче ли я на удачу буду ѣсть со умѣренностію то, что мнѣ пріятно; ибо и докторъ и я угадываемъ оба; запрещеніе его докучаетъ мнѣ безъ пользы, а моя смѣлость дѣлаетъ удовольствіе.

Нѣтъ лучшаго и предохранительнѣйшаго лѣкарства, какъ дать свободное теченіе болѣзни. Пускай натура по немногу оное сама хранитъ и исправляетъ. Она далеко лучше разумѣетъ свою должность, нежели наука врачебная. Натура сама себя знаетъ и все внутри себя видитъ, не дремлетъ и дѣйствуетъ; а ученые цѣлители не видя ничего, гаданіемъ только больнаго утѣшаютъ. Славный Бургавъ самъ написалъ, что *медикъ не что иное, какъ рабъ натуры*. Воспа, корь отверстіе кровей добровольное, поносъ и протчія многія изъ внутренности бываемые на тѣлѣ испражненія, суть наилучшія цѣлители, натурою управляемыя, только бы врачь по наукѣ имъ не препятствовалъ, ни подъ видомъ вспоможенія, ни подъ видомъ удержанія. Скажутъ мнѣ, что *такой однакожъ человѣкъ отъ того, что не лѣчился, умеръ*. Отвѣчаю: а такихъ что въ докторскихъ рукахъ были, умерло пять тысячь. Пользуйся ты, ежели врачеваніе тебя веселитъ и ему ты вѣришь. Оно для тебя дѣлаетъ пріятность туже, что вещи, которыя тебѣ докторъ запрещаетъ. Словомъ: въ врачеваніи столько дѣлается на удачу и столько степеней къ возвращенію здравія различныхъ, врачами намъ представляются, что едвали одному можно повѣрить такъ, какъ способу истинному. Пріятель мой говоритъ, что онъ рожденъ отъ родителей,

ко-

которые жили на свѣтѣ въ простотѣ и долголѣтно. Отецъ его не зная лѣкарствъ, ни кровопусканія, на 82 году, а мать на 83 скончалися. Хотя онъ воспитанъ въ бережи: но охраняли воспитатели его не столько тѣло его отъ простуды, сколько разумъ отъ безпутства, и въ такомъ попеченіи онъ жилъ помощію ихъ и своею до 37 лѣтъ вѣка своего, цѣлъ, здравъ и невредимъ. Пилъ и ѣлъ, что хотѣлъ, и чего только желудокъ его требовалъ. Въ теплыхъ шлафоркахъ не сыпалъ, лѣкарствъ ни какихъ не принималъ и крови не Пускивалъ. На 38 году лѣтъ его, когда изъ Петербурга отъѣхалъ въ Провинцію Полуденную, то отъ перемѣны воздуха и воды, почувствовалъ не большую лихорадку. Тутъ докторъ его, по любви къ нему, все свое искуство и усердіе надъ нимъ показалъ. Былъ онъ у своего врача благодѣтеля безпрерывно на рукахъ три года, и врачь столько задавалъ въ него порошковъ, капель, микстуръ и пилюль, что едва малой Провинціальной Аптеки для него одного доставало. Кровь ему цѣдили изо всѣхъ жилъ каждый годъ по два раза, единственно для предохраненія, а пить и ѣсть не въ волѣ его состояло. Отъ сего времени онъ признается, что позналъ разнаго рода болѣзни, и одна съ другою соединяяся, врачамъ его путь отворила, всѣ свои гадательные опыты дѣлать надъ нимъ безъ всякой его пользы. Нѣтъ

шой весны и лѣта, гдѣ бы онъ не обнадеженъ былъ возвращенїемъ цѣлаго здоровья, ежели четыре недѣли пишь станетъ шравяные воды и отъ всего воздержится въ пишьѣ и въ пищѣ, чего желудокъ его желаетъ. Симъ средствомъ онъ уже доведенъ нынѣ до послѣдняго почти истощенїя и одно ему остается удовольствїе видѣть кратокость своего вѣка, и съ спокойствїемъ на все жизненное взирать, не желая болѣе ничего, что въ свѣтѣ прелестно. А за симъ, пользу ту онъ получилъ, что узналъ собственнымъ своимъ опытомъ, сколь во всей своей мудрости и пространствѣ знанїя многихъ наукъ, наука врачебная не основательна и ложна для больныхъ и для самыхъ врачующихъ. Все, что они ни дѣлаютъ съ ихъ удачею, дѣлаетъ то натура, а что ложно и болящему бѣдственно, то землѣ предается, и они за то не отвѣчаютъ. Я выше сказалъ, что способы къ возвращенїю здоровья столь многи и различны, что едвали есть одинъ истинный. Прежде, нежели тебѣ послѣ болѣзни позволятъ колпакъ съ головы снимать, прежде нежели выпустятъ тебя на воздухъ, дадутъ рюмку вина, дозволятъ отвѣдать саду твоего плодовъ; ты благодари Бога, что они тебя не ввели въ новое какое нибудь здоровья твоего бѣдствїе. Колико кратно я самъ въ ихъ узахъ находился! колико кратно себя спасалъ, одною только имъ измѣною!

Мы почитать должны врачеванїе за самую нужную науку, на которую возложено сохраненїе нашей жизни. Но какое нещастїе! она то есть самая неизвѣстная, совсѣмъ замѣшанная и волнующаяся между многими перемѣнами здравїя нашего. Никакой опасности нѣтъ ошибиться въ щетѣ и не угадать какъ высоко отъ насъ отстоитъ солнце, или луна по исчисленїямъ Астрономическимъ: но тутъ, гдѣ только идетъ о цѣлости жизни нашей, весьма кажется бѣдственно и безумно намъ себя отдать на волю, или лучше сказать на самоволїе такой науки, которая сама волнуется между множествомъ противныхъ вѣтровъ. Искуствы, на которыхъ она основана, и которыя обѣщаютъ содержать нашъ духъ и тѣло въ цѣломъ здравїи, по истиннѣ, обѣщаютъ много: но не должно ли взирать и на то не меньше, что они обѣщанное рѣдко исполняютъ? Всѣ въ наши времена упражняющїеся въ таковыхъ искуствахъ, яко то: Химики, аптекари и сами докторы, меньше всѣхъ людей въ здравїи человѣческомъ успѣхъ, по обѣщанїю своему, оказываютъ; объ нихъ справедливо сказать можно, что они даютъ и продаютъ всякое зелїе и здобу врачебную, а чтобъ были они прямые врачи, того я никогда не скажу. Ежели ты напалъ на доктора, который тебѣ запрещаетъ въ болѣзни твоей пить полпиво, квасъ, или кислые щи, къ ко-

торымъ ты привыкъ и жаждешь ихъ для прохлады, будь спокоенъ и призови вскорѣ другаго, который все то самъ любитъ и употребляетъ, онъ тебѣ все то дозволитъ съ такимъ же удостовѣреніемъ, съ какимъ первый запрещалъ. Голанецъ сельди соленой не запрещаетъ, Французъ Бургонскаго, а Португалецъ больному вина Шпанскаго; въ Москвѣ же выросшій докторъ, всѣмъ больнымъ квасъ ячный всегда рекомендовалъ. Что мы всѣмъ ихъ расказамъ слѣпо вѣримъ, тому не иная причина, какъ нетерпѣливость въ нашей болѣзни, или самая боязнь смерти. Стремительное желаніе быть вскорѣ здоровымъ, нашъ разумъ утороплѣнный во все передъ ихъ совѣтами ослѣпляетъ, и самая наша робость, имовѣрство и послушливость нашу къ нимъ въ подкрѣпленіе приводитъ. Многіе однакожъ несклонны къ толикому вѣроятію и не даютъ надъ собою дѣлать всего, что жестокостію врачи по размышленію своему и несогласному мнѣнію дѣйствовать хотятъ. Врачи симъ часто и недовольны, и на все то жалобы приносятъ, говоря ,, что, *намъ де и дѣлать ничего уже не остается, когда больной больше себѣ ищетъ исцѣленія въ нетерпѣливости, нежели въ потребномъ терпѣніи.* Въ такихъ обстоятельствамъ нелучше ли то дѣлать, что дѣлали праотцы наши, живучи на свѣтѣ долголѣтно? Они слѣдовали

волѣ

волѣ божiей. Богъ неразлучно и лѣты и врачеванiе наше производитъ. Просить надобно докторовъ, чтобъ они давали слабительное, больше очищающее мозгъ нашъ, нежели желудокъ, дабы мы всякое дѣло лучше умомъ разбирали.

Ежели докторская ошибка опасна, то съ нами худо навсегда быть должно, по тому, что онъ часто принужденъ ошибаться. Прежде нежели онъ примется за больнаго, и прежде нежели онъ первой свой рецептъ напишетъ, много ему надобно разсуждать. Онъ долженъ перьво всего узнать родъ болѣзни, размотрѣть тѣлосложенiе своего пацiента, его темпераментъ, его нравъ, его склонности, его привычки, его размышленiя и его воображенiя. Потомъ все оное сообразить съ обстоятельствами внѣшними, то есть свойство мѣста, воздуха, времени года, положенiе на тотъ часъ тѣлъ небесныхъ и ихъ въ составъ тѣла нашего влiянiе. Знать онъ такожде долженъ настоящей внутренной болѣзни прямыя причины, ихъ признаки, ихъ напряженiе, дни болѣзни критическiя; также въ лѣкарствахъ своихъ свойство зелiй и всякой здобы, тягость, силу, страну откуда они, ихъ образъ, ихъ время, сколь они свѣжи, и ихъ раздачу; все сiе уравнять и привести въ мѣру взаимную. Ежели одного изъ сихъ множественныхъ обстоятельствъ

тельствѣ не угадаетъ, довольно уже больнаго губитъ.

Тому болѣе дватцати лѣтъ К. Б. ****. бывъ человѣкъ здороваго вида, сложенія и порядочной жизни, сталъ сперьва боленъ, какъ думали, отъ простуды, и не любя врачеванія вдался напослѣдокъ врачу искуснѣйшему здѣсь въ руки. Болѣзнь его часъ отъ часу умножалася такъ, что по многомъ врачеваніи видъ онъ получилъ человѣка чахотнаго. Крайность до того довела, что докторъ его, не получа успѣха отъ многихъ своихъ опытовъ, болѣе не осмѣлился на себя одного положиться, и для того повторены были не единожды Консиліи изъ многихъ и лучшихъ здѣсь докторовъ. По любви къ болящему, я самъ часто его навѣщалъ, и былъ свидѣтелемъ его страданію. Докторскіе совѣты мнѣ всѣ были извѣстны. Я читалъ всѣ писменныя ихъ заключенія и переводилъ съ ученаго языка на Россійской, для любопытства печальной фамиліи, которая меня о томъ просила. Обще докторское мнѣніе было то, что страждущій имѣетъ легкое со всемъ уже испорченное, однакожъ не безъ надежды, и потому, что исторію его болѣзни и образъ врачеванія отъ повсядневнаго доктора былъ совѣту представленъ. Всѣ лѣкарствы были совѣтомъ распоряжены такъ, чтобъ достигали самыхъ тончайшихъ фибръ, составляю-

ляющихъ легкое, и чтобъ изгнавъ матерїю изъ оныхъ вредную, залѣчивали поверьхность онаго. Тутъ предписана была ужасная и мучительная больному Дїэта, и непрестающїя лѣкарства внутреннїя, всѣ клонящїеся на излѣченїе легкаго. Словомъ: болѣзнь его такъ трактовали, будто, какъ бы съ наружи видѣли, и никто изъ насъ не сумнѣвался о истинности оной; столь сильны были всѣхъ докторовъ увѣренїя, но ничто не помогло, оная столько была упряма, что часъ отъ часу умножалася, и наконецъ страждущїй скончался къ великому оскорбленїю фамилїи и друзей его. Доктора всѣ разъѣхалися, получа обыкновенныя подарки отъ дому, а фамилїя любопытствовала знать прямой родъ чахотки, которая ближняго ихъ умертвила. Отворили тѣло мертвое и нашли легкое въ добромъ здравїи, а въ мѣсто того въ почкахъ песокъ и камень, который движенїемъ своимъ больнаго ко гробу привелъ. Я самъ о сей ошибкѣ съ нѣкоторыми тогда бывшими въ совѣтѣ докторами говорилъ, но въ отвѣтъ получилъ, что *мы не Боги, всего закрытаго въ тѣлѣ человѣческомъ угадать не можемъ.*

Я почитаю врачей, не по той заповѣди, что они мнѣ нужны, но по любви къ ихъ персонамъ, видя между ними много честныхъ людей и любви достойныхъ. Не на персоны ихъ

я нарекаю, но на искусство и науку врачебную, и не ропщу, что они пользуются нашимъ безуміемъ, по тому, что и многіе въ другихъ искусствахъ то дѣлаютъ. Есть другіе упражненія, не меньше важны, и достойнѣе сихъ, которыя также основаны на злоупотребленіи народномъ. Я самъ, когда боленъ, люблю присутствіе докторское. Они больныхъ умѣютъ утѣшать, и я готовъ у нихъ спрашивать совѣта, а за то и дарить: но больше права надъ собою имъ не дозволяю. Пускай они меня одѣваютъ и прикрываютъ, ежели мнѣ то надобно, и тому подобную холю надо мною больнымъ ведутъ. Они могутъ мнѣ совѣтъ подать, изъ чего здѣлать пріятнѣе бульенъ мой или кашицу, много ли луку, пору, петрушки или другой какой зелени положить, телятину или цыпленка въ ней сварить, какое красное, какое бѣлое вино для меня пріятнѣе будетъ. Все сіе не отъ доктора ученаго въ врачеваніи, но отъ друга искуснаго ходить за больными, мнѣ нужно. Для меня все равно искусной ли Архіаторъ, или французъ Шевалье Д. * * * живущій здѣсь въ Петербургѣ, который умѣетъ ходить за мною больнымъ и разговаривать меня въ Ипохондріи, только бы я чувствовалъ отъ него себѣ отраду и при немъ болѣзнь свою нѣсколько забывалъ, а онъ бы не осмѣлился начинивать меня лѣкарствами, которымъ я по опыту мало уже вѣрю.

Мы

Мы имѣемъ портныхъ и сапожниковъ, которые насъ одѣваютъ и обуваютъ тѣмъ искуснѣе, что одинъ въ другаго знанїе не вмѣшивается и одно свое дѣло отправляетъ. Но какой бы то былъ портной, который бы захотѣлъ знать всѣ искуства и служить во всемъ, что мнѣ надобно къ угожденїю моего тѣла? Тоже дѣлается и съ врачами. Египтяне имѣли довольную причину вовся отрѣшить искуство внутренной врачебной науки и раздѣлять сїю профессїю на части наружныя пригодныя ко всякому члену тѣла человѣческаго не инако, какъ только что касается до врачеванїя видимыхъ и осязаемыхъ болѣзней, которыя принадлежатъ къ лѣкарской наукѣ, больше вѣроятїя заслуживающей, нежели докторская. Доктора берутся на противъ того за все, забывъ то, что кто принимается за все, тотъ ни зачто не принимается, и что употребленїе всего видимаго въ семъ маломъ мїрѣ, которое они къ врачеванїю своему занимаютъ изъ четырехъ элементовъ и изъ трехъ частей естества сотвореннаго въ мїрѣ, они сварить не могутъ своимъ разумомъ. Бога прошу, чтобъ они осторожнѣе поступали съ воспою и не выгоняли ея наружу лѣкарствами, внутрь даваемыми, когда она сама не выходитъ и не наливается. Натуры насиловать не можно, когда ея время не пришло. Они меня лишили любезной дочери,

чери, которая мнѣ была надобнѣе, нежели всѣ они.

За подлинно, они имѣютъ причину требовать отъ больнаго вѣры несумнительной. Надобно, чтобъ она была теплая и повинующаяся ихъ волѣ, дабы онъ неистовымъ воображеніямъ и не збытнымъ совѣтамъ согласовалъ безпрекословно. Многіе любя докторское искуство, почитаютъ ихъ разсужденія за важныя. Я не ненавистникъ такимъ размышленіямъ, которыя противны моимъ. Далеко отъ того, чтобъ меня веселило мое противное мнѣніе, и чтобъ я былъ за то въ обществѣ не терпимъ: но всякъ со мною согласится, что весьма рѣдко два мнѣнія людскія бываютъ между собою одинаковы, потому, что одна голова на другую непохожа, одно сердце всегда чемъ нибудь различествуетъ, слѣдовательно и нравы и помыслы несходны, такъ какъ два волоса, или два зерна, какъ они ни малы, между собою разны; или главное вещей качество есть то, чтобъ быть между собую различными.

Я себѣ представляю врача, окруженна безчисленными вещьми, травами, зеліями, животными и минералами, но не могу представить съ чего онъ почать долженъ, когда начинаетъ врачевать, или надъ больнымъ свой опытъ дѣлать.

лать. Положимъ, что по мысли ему пришелъ въ голову, на примѣръ *Оленій Рогъ.* Тутъ надобно при первомъ пріемѣ много вѣры, чтобъ удостовѣриться, что сіе лѣкарство за подлинно полезно и не измѣнитъ: но въ другой операціи съ малою только отмѣною болѣзни, то уже и не удастся. Представь себѣ всякъ благоразумный, коликое число болѣзней въ человѣкѣ, колико ихъ перемѣнъ и колико различнаго въ нихъ смѣшенія, дабы о первомъ опытѣ заподлинно удостовѣриться и притти до совершенства. По истиннѣ, пока сіе зделается, умъ ученаго врача всю свою Латынь потеряетъ и прежде нежели найдетъ между столь безчислеными и безконечными вещьми, болѣзнями и ихъ обстоятелствами, что сіе, или другое полезно въ *ладучей* на примѣръ *болѣзни*; между такими, или иными человѣка сложеніями, *въ Иппохондріи*; между четырмя частями года, *въ одной только зимѣ*; между безконечными на свѣтѣ народами, *одному только Рускому человѣку, живущему не въ Сибири, не въ Малой Россіи, но въ Петербургѣ*; между многими лѣтами вѣка человѣческаго, *въ однихъ только лѣтахъ престарѣлыхъ*; а ежели еще далѣе въ Физику поступить, то между многими небесными перемѣнами, *въ одно только то время, когда планеты Венера съ Сатурномъ на небѣ соединеніе имѣютъ*; и между многими частями тѣла чело-

вѣческаго внутренними и наружными *на одномъ только составѣ перста*, да и ко всему тому приходить должно не Логическими прѣніями и заключеніями, не догадками, не примѣрами, не вдохновенімъ чудеснымъ, но прямымъ щастіемъ и нечаяннымъ откровеніемъ и удачею, или многими записками, бывшихъ прежде въ болѣзни явленій. Сколько же на сіе лѣтъ, времени, врачей и больныхъ пройти должно! и напослѣдокъ пускай больной отъ оленьяго рога и вылѣчится: то какъ можно еще и въ томъ удостовѣриться, что отъ того лѣкарства тотъ, или другой выздоровѣлъ, когда можетъ быть здравъ человѣкъ сталъ и отъ того, что сама болѣзнь кругъ, или по докторски говоря, періодъ свой въ немъ окончала, или пища и питіе того, или другаго, больше къ тому помогли! Не видимъ ли мы и не слышимъ ли отъ самыхъ докторовъ о многихъ лѣкарствахъ, когда больной безъ совѣта ихъ принимаетъ, *что сіи де лѣкарства въ старину употреблялись и многіе знатные и ученые Медики, чрезъ долгіе вѣки въ ошибкѣ были, а въ нашихъ де временахъ найдено, что сіи порошки во вся безполезны, или и вредны.* Одни докторы о секретѣ однихъ лѣкарствъ даютъ изобрѣтателямъ аттестаты, и книги цѣлыя о томъ, какую они силу, дѣйствіе и добродѣтель имѣютъ, пишутъ; другіе тоже самое называютъ отравою. Первые свидѣтельству-

ствуются больными излѣченными, а послѣдніе мертвыхъ многихъ имѣютъ, которые отъ того погибли. Сему примѣровъ и здѣсь довольно такъ, что и на сихъ дняхъ (въ 1774 года) дѣло трактова но было прежде въ Медицинской Коллегіи, а послѣ въ Вышнемъ Правительствѣ, о нѣкоторыхъ, присланныхъ сюда изъ Англіи порошкахъ универсальныхъ, которымъ силу приписывали ту, что они почти во всѣхъ болѣзняхъ пользуютъ; чему тотъ, кто ихъ привезъ; и аттестаты многіе представилъ достовѣрныхъ людей, но съ другой стороны Медицинская Коллегія доказывала, что на опытъ ихъ отдавали въ гофшпиталь, гдѣ отъ сихъ порошковъ пять человѣкъ умерло. Можетъ статься, тутъ и правда и неправда. Правда, когда порошки употреблены были по свойству болѣзни и состава больнаго; а не правда, когда порошкамъ приписывая силу универсальную, употребляли ихъ чрезъестественно. Читатель самъ заключить можетъ, которыхъ число больше для доказательства: тѣхъ ли кто живъ и говоритъ за себя можетъ, хваля силу новаго лѣкарства, или другихъ охуждающихъ, которыхъ и тѣло и рѣчь въ землѣ погребены. (*) Здѣлавши едино-

(*) Всѣ Доктора рекомендуютъ весною цѣлительныя воды, хотя сами рѣдко ихъ пьютъ. Архіатеръ Абрагамъ Бургавъ умирая въ Москвѣ, сказалъ всѣмъ предстоящимъ, что онъ кон-

чаетъ

ножды опытъ на оленьемъ рогѣ, спрашивается, здѣлалъ ли онъ другой? Положимъ что такіе двѣ, или три удачи по опыту открылися, но можно ли изъ того заключеніе здѣлать къ правилу общему: а ежели здѣлано, то изъ трехъ, или четырехъ больныхъ, можно ли заключить на безчисленные миліоны людей, въ мірѣ находящихся и столько случающихся у нихъ болѣзней, пускай жребій удачи упалъ на трехъ больныхъ и трехъ докторовъ. Можетъ ли сіе удостовѣреніемъ быть на цѣлый родъ человѣческій? надобно, чтобъ натура человѣческая сихъ троихъ отрядила особливымъ своимъ повѣренным письмомъ быть старшинами въ родѣ человѣческомъ. Нѣтъ народа, ниже націи, которая бы многіе вѣки не пребывала безъ врачева-

чаетъ жизнь свою отъ употребленія водъ Пирмонскихъ, и чтобъ товарищи его, видя сей бѣдственный на немъ примѣръ, ни кому изъ больныхъ врачеванія сего здѣсь не предписывали. Братъ его Кау Бургавъ вѣкъ свой сказываютъ тѣмъ же послѣ сократилъ. Я самъ по докторскимъ предписаніямъ въ 1764 году пилъ Пирмонскія воды и пользу чувствовалъ не малую; а въ 1771 году въ третій день бы умеръ, ежели бы самъ врачь, который приказалъ, вскорѣ не запретилъ, видя мое отъ нихъ страданіе И такъ однимъ воды помогаютъ, другихъ убиваютъ. Въ одно время больному полезны, а въ другое ему же бѣдственны. Винить надобно не воды, но Докторское гаданіе.

ванія, а особливо первые вѣки, которые безъ сомнѣнія были наилучшіе и щастливѣйшіе, да и нынѣ всего свѣта насилу десятая часть пользуется врачеваніемъ. Безчисленные народы никакого врачеванія ученаго еще и по нынѣ не знаютъ, и живутъ здоровѣе насъ и долговѣчнѣе. Нашъ простой народъ во всей Россіи докторовъ отнюдь еще не знаетъ.

Боже мой! какое нещастіе съ нашимъ здоровьемъ дѣлается! ученые Медики недовольны тѣмъ, что болѣзнями нашими управляютъ; но они и здоровье наше стараются здѣлать больнымъ, дабы ни въ какой части года мы рукъ ихъ не избѣжали. Не то ли разумѣть должно, когда они здоровому предписываютъ діету, кровь по веснѣ повсягодно пускать, заставляютъ принимать въ мѣсяцъ по единожды слабительное, пить весною травяные соки, или цѣлительныя воды, и многіе заповѣди дѣлаютъ здоровымъ, для запасной обороны отъ болѣзни; обороны такой, отъ которой самыя послѣ болѣзни начинаются, когда натура въ человѣческомъ тѣлѣ встревожена. Мѣшай Венгерское вино повсянедѣльно въ анталѣ, клади здоби и приправы, чтобъ оно впредъ не скисло, выцѣди изъ него дрожди: вино силу и вкусъ вовсе потеряетъ.

Ежели бы я былъ съ начала въ ихъ совѣтахъ, по меншой мѣрѣ я бы поступалъ скрыт-

нѣе. Они искусство свое начали проповѣдывать отъ времянъ тѣхъ, когда наука врачебная въ Ассиріи и у Халдеевъ между ихъ тогдашними духовными пребывала, а оттуда перешла въ Египетъ и послѣ въ Грецію и проповѣдывали изрядно, но окончали дурно. Они въ народы пустили слухъ, что наука врачебная происходитъ отъ Боговъ, которые первые оную изобрѣли, по чему и языкъ особенный въ своей наукѣ по сіе время врачи употребляютъ, то есть: когда врачи въ Египтѣ были, называли многіе лѣкарствы и части тѣла человѣческаго по Ассирійски и по Халдейски, а пришедъ въ Грецію переименовали по Египетски. Потомъ отъ времени седьмаго вѣка, когда Варвары здѣлали нашествіе въ Европу, много приняли имянъ Варварскихъ, но съ возвращеніемъ наукъ, въ пятомъ надесятъ вѣкѣ, и отъ времени изобрѣтенія типографій, когда Иппократъ напечатанъ, къ намъ уже вошелъ языкъ Греческій, смѣшанный однакожъ съ Варварскимъ, чрезъ посредство врачей Французкихъ. Здравый разсудокъ называетъ сіе дурачествомъ, чтобъ совѣтъ давать человѣку рѣчами не вразумительными; однакожъ въ искусствѣ ихъ правило сіе, для пользы ихъ не безумное, которое и при всѣхъ умствованіяхъ Фанатическихъ, или суевѣрныхъ пригодно. То есть, чтобъ болящій не примѣтилъ ихъ дѣйствій чрезъестественныхъ и суевѣрныхъ, А вѣра бы и надежда его всегда

пред-

предшествовали успѣху и дѣйствіямъ врачующихъ.

Посмотримъ на самый выборъ ихъ лѣкарствъ и зѣобъ, увидимъ, что ни малой въ нихъ нѣтъ тайны, тѣмъ меньше божественнаго разума, отъ котораго врачебная наука вдохновеніе себѣ присвоила, напримѣръ: *правая лапа черепахи, моча ящерицы, калъ сухой собачій, навозъ слоновый, печонка кротова, кровь изъ подъ праваго крила бѣлаго голубя* и тому подобное, *мохъ, которой ростетъ у висельника на черепѣ*, называемый *узнея, четырехъ родовъ драгоцѣннѣйшихъ камней опилки*: также может ли что презрительнѣе для нашего бѣднаго здоровья быть, которые коликою страждемъ, *навозъ мышачій въ порошокъ истолченный*? Таковы то врачей нашихъ чудотворенія, по истиннѣ волшебству, а не наукѣ врачебной приличны! Все сіе начало свое приняло еще отъ древнихъ жрецовъ, которые растворяя скотскія тѣла и разсматривая ихъ внутренныя уды, народу, что хотѣли, сказывали, для врачеванія ихъ, и тѣмъ духовнымъ таинствомъ въ повиновеніи у себя народъ простой содержали, каковые и назывались тогда въ Азіи *Маги*, или Волшебники; они же и врачебной науки были первые учители. Сію науку нынѣшніе врачи называютъ Эмпирическою, а сами отъ временъ *Гарвея*, чтутъ себя Догма-

 ша-

тиками, я уже не упоминаю о томъ, что они говорили прежде и то, *чтобъ въ пилюляхъ всегда не чотка была, чтобъ дни и часы тѣ, а не иные избраны были, для выбору травъ и смѣшенія ихъ.* Все сіе въ старыхъ Лѣчебникахъ врачеванія находится, чѣмъ они голову свою наполняли. (*)

Послѣ такого врачеванія, какъ нынѣшніе говорятъ баснословнаго отъ времени Эскулапа и по немъ славнаго Иппократа, Галенъ, появился Греческій врачь во 131 году по Рождествѣ Христовѣ. Сей написалъ 200 книгъ врачебныхъ, но оставшія его только дѣла напечатаны въ трехъ томахъ (**). Онъ жилъ долголѣтно

(*) Смотрѣть надобно тѣ ихъ книжки, которыя въ Аптекахъ называются Dispensatoria.

(**) Въ Римѣ *храмъ Богини Мира*, Агриппиною Цесаря Германика женою начатъ и Императоромъ Веспасіаномъ состроенъ, въ которомъ вся богатая добыча, отъ разореннаго Іерусалима была сохраняема. Всѣ художники въ немъ собиралися, для преній о преимуществѣ въ своихъ наукахъ, дабы предъ Богинею кротость ихъ соблюдена была. Сей храмъ при Комодѣ Императопжаромъ истребился, въ которомъ и всѣ почти безъ остатка Галеновы книги Врачебныя згорѣли; самъ же Галенъ былъ врачь Императора Марка Аврелія и умеръ по свидѣтельсшву многихъ, *на 140 году отъ Рожденія.*

но не отъ того, (какъ видно изъ исторіи его жизни,) что былъ Медикъ искусный, но что былъ человѣкъ умѣренной и порядочной жизни. Методъ науки его врачебной продолжался чрезъ 14 вѣковъ всѣми пріемлемый за истинный, доколѣ въ 1493 году на свѣтъ произшелъ въ Швейцаріи славный докторъ *Парацельсъ*, который Химію и Анатомію обратилъ въ врачевство и былъ первый начинатель употребленію Химическихъ лѣкарствъ въ врачеваніе, а тѣмъ наипаче славился, что онъ опровергъ методъ Галеновъ столь долговѣчно употребляемый въ врачеваніи всѣми другими. Онъ былъ за то возненавидѣнъ: но не взирая ни начто, писалъ и говорилъ, что *до его времена не врачеваніе, но убійство рода человѣческаго многими вѣками продолжалося* и наконецъ всѣхъ увѣрялъ, что *онъ своимъ методомъ и лѣкарствами можетъ продолжить жизнь человѣческую; на многіе вѣки*; однакожъ въ посмѣяніе своего тщеславія; самъ умеръ въ Сальцбургѣ на 37 году лѣтъ своихъ. Что же мы скажемъ про все такое прошлое врачеваніе, въ которомъ сведенія еще не было о циркуляціи крови; ибо оная въ началѣ только прошлаго вѣка Аглицкимъ Докторомъ славнымъ, или какъ они говорятъ, *безсмертнымъ Гарвеемъ*, открыта. Тутъ все пошло новое, а между тѣмъ, по сказкамъ ихъ же, здравіе человѣческое всегда претерпѣвало.

Весьма они ошиблися, что съ самаго зарожденїя врачебной науки не остереглися въ томъ, чтобъ ихъ совѣты между собою больше были святы и сокровенны; ибо отъ ихъ многорѣчїя вышло, что ихъ нерѣшимость, слабость ихъ разсужденїя и развѣдыванїя, такъ какъ и между собою тайные и явные споры, наполненные ненавистїю и завистїю взаимною другъ къ другу; каковыя предъ всѣми нами давно уже позорны. Посмотримъ на ихъ присягу, предписанную имъ отъ Иппократа, увидимъ, на какомъ она человѣколюбїи основана; она ихъ одолжаетъ *не отрекаться ни отъ нищаго, ни отъ богатаго больнаго, ниже что либо малѣйшее прекословить по зависти къ своему товарищу*: но не видимъ ли, что два доктора быть у одного больнаго никогда не согласятся; а взявши другаго, послѣднїй перемѣняетъ всегда методъ во врачеванїи перваго. Надобно быть чудесно ослѣпленнымъ человѣкомъ, чтобъ не чувствовать, сколько мы себя отваживаемъ, отдавая гадательной наукѣ жизнь свою въ руки!

Ежели случится вторичной въ болѣзни припадокъ и ими не ожидаемый, что обыкновенно называется рецидивою, они тотчасъ вину приписываютъ не себѣ: а больному; лишнее говорятъ съѣлъ, выпилъ холодное, ночью плечо разкрылъ, каретной стукъ больнаго обезпокоилъ, окошко его, (хотя лѣтомъ,) бы-

было отворено, лежалъ долго на лѣвомъ боку, или руку вытянувши подъ голову, или много говорилъ; а когда вовсе сказать нѣчего, то у него, говорятъ, какая нибудь проскочила печаль въ головѣ, или мысль непрїятная, которая ему жаръ въ крови здѣлала. Ухватятся за слово, за сонъ, за сонную мечту, или за взглядъ непрїятный, все имъ служитъ въ извиненїе, что больной въ рецидиву попалъ, въ которую они можетъ быть ошибкою своею ввели; а легко статься можетъ и то, что лѣкарствами воспрепятствовали окончать перїодъ свой болѣзни, и не испразднившаяся изъ тѣла вредная матерїя, заставила натуру дѣйствовать, отъ малаго подвига посторонняго, но за симъ, ежели недовольно покажется еще и того, то выговариваютъ послѣднее, которое имъ всегда уже удачно, то есть увѣряютъ насъ, что *было бы съ больнымъ и того хуже, ежели бы не ихъ лѣкарствы*, что потворяютъ и послѣ всякой болѣзни; ибо когда видятъ, что больной исцѣлился, то болѣзнь, хотя не столь опасна была, говорятъ, что *онъ былъ въ крайней опасности и что они изъ мертвыхъ его воскресили*, *только дабы его и домашнихъ его не испужать*, о томъ *молчали*: на послѣдокъ претворивши малую простуду въ повсядневную лихорадку, *безъ нихъ* говорятъ, *больной былъ бы въ горячкѣ*. Словомъ; часто до такого суесловїя доходятъ,

что

что больному говорятъ сїи слова: *при мнѣ ѣжъ и лей что хочешь, только безъ меня того не дѣлай;* а прямо больные, или часто мнимо столь маловѣры, что и подлинно безъ докторовъ къ крохѣ хлѣба черстваго ржанаго прикоснуться боятся, которая по мнительности ихъ часто имъ и вредитъ; при докторахъ же жрутъ студень съ лукомъ, съ кислою капустою и квасомъ посоливши запиваютъ; чему я самовидецъ, въ чемъ иногда и сами врачи Московскїе имъ помогаютъ; да сїе прожорство такимъ больнымъ бываетъ и удачно; они докторскому присудствїю удачу приписываютъ; а доктора на свой щетъ оную прїемля, съ больныхъ за то деньги берутъ.

Я множество врачей вижу, что они сами тогоже мнѣнїя о врачеванїи, или докторской наукѣ, что и я. Живутъ и жить также свободно хотятъ, не по заповѣдямъ врачебнымъ, и не по Докторскимъ предписанїямъ, какъ и я нынѣ предпрїялъ. Что сїе значитъ, ежели не то, что они дѣлаютъ злоупотребленїе изъ нашей простоты и изъ нашей робости, видя, что человѣкъ утопая и за бритву хватается, ища своего спасенїя и убѣгая отъ одной смерти часто другой не бережется. Ихъ жизнь, и ихъ здоровье столькоже имъ дороги, какъ и намъ. Они бы паче насъ еще убѣжище имѣли къ ихъ наукѣ врачебной, ежели бы не увѣрены

рѣны были сами, что она гадательна и ихъ самихъ обманываетъ. Я врачебную науку почитаю за почтенное ея имя, за ея предложенiе и за ея обѣщанiе пользы роду человѣческому: но то, что она намъ опредѣляетъ, не сужу правымъ и не почитаю. Дадимъ волю дѣйствовать натурѣ. Всей твари сложенiе ей рабольпствовать должно. Она сама въ такомъ совершенствѣ отъ Бога здѣлана, что поправки отъ гадателной науки не требуетъ. Порядокъ ея, которымъ она управляетъ блохами, или кротами подземными, такой же по свойству твари, служитъ и роду человѣческому.

Изъ столь разныхъ и многочисленныхъ смѣшенiй, докторскими рецептами предписываемыхъ, ни что иное не бываетъ, какъ безпрестанное изъ тѣла человѣческаго разныхъ соковъ и твердыхъ тѣлъ испражненiе и пустота въ чревѣ. Слуги наши и простые люди безъ лѣкарствъ то дѣлаютъ, да и знать не можно, полезно ли еще то, чтобъ усилiемъ испражнять наше тѣло, изгонять прежде времени сварившееся, вымогать потъ, выцѣживать кровь и проч: можетъ быть, натура еще въ томъ и нужду имѣетъ, такъ какъ вино въ дрождяхъ, которыми оно питается и себя подкрѣпляетъ. То что отъ щастiя, что отъ натуры или отъ иной какой причины, которыя суть безчисленны, въ

тѣ-

тѣлѣ нашемъ происходитъ добраго и здраваго врачи себѣ всегда берутъ на свой щотъ; въ самомъ же дѣлѣ всякое въ тѣлѣ благосостоянїе прїемлется отъ натуры человѣка? Видалъ ли кто, чтобъ Докторъ взялъ рецептъ у своего товарища и не убавилъ изъ него что нибудь, или не дополнилъ.

Докторскїя обѣщанїя для меня совсѣмъ не имовѣрны. Когда въ тѣлѣ случатся не токмо разныя совокупно, но и противныя между собою припадки, которые болѣзнь человѣку въ одно время дѣлаютъ такую, что можетъ быть взаимность оныхъ по натурѣ и нужна такъ, какъ напримѣръ: *жаръ въ печонкѣ и холодъ въ желудкѣ.* Они насъ увѣряютъ, что микстура ихъ изъ такихъ капель, порошковъ, сѣмянъ, травъ, минераловъ и прочаго составлена, что одни будутъ разогрѣвать желудокъ, а другїя прохлаждать печонку. Капли и минералы они посылаютъ даже до почекъ, или и далѣе, которыя ни въ какую другую часть тѣла, (какъ они думаютъ,) не зайдутъ, тѣмъ меньше дѣйствїя своего не въ указномъ мѣстѣ не здѣлаютъ, и до чего имъ прикасаться не велѣно, того отнюдъ на пути своемъ, (хотя въ протчемъ отдаленномъ и разными закаулками преисполненномъ,) не повредятъ, а всегда дойдутъ до мѣста, имъ опредѣленнаго, не довѣдомою своею силою. Осталь-

шальныя же въ микстурѣ составы между тѣмъ останутся въ желудкѣ, или когда и многія еще совокупилися при томъ болѣзни, то однимъ приказано итти къ мозгу, другимъ оставатся въ легкомъ. Такое врачебное пойло не естьли истовый бредъ и мечта? Безъ сумнѣнія что Химія доказываетъ каждыхъ частей свое отдѣленіе; но какъ тому статься, чтобъ въ самое прохожденіе, одно другому, силою своего дѣйствія, на пути не повредило? Мнѣ кажется, что данная отъ доктора каждой здобѣ, или зелію инструкція, при первомъ поглощеніи, приходитъ въ ослушаніе, и силу свою теряетъ, не дошедъ еще до саоего мѣста. Пускай я разсуждаю, какъ невѣжа въ Анатоміи и Химіи, ибо о той и другой наукѣ не довольное свѣденіе имѣю: но признаюсь безъ тщеславія, что столько понятія объ нихъ во мнѣ есть, сколько къ разбору сего врачебнаго умствованія потребно, и сверхъ того опытъ всегдашній намъ суетное сіе и гадателное умствованіе обличаетъ; ибо въ теченіе одной моей не давно болѣзни, докторъ мой тысячи дѣлалъ перемѣнъ въ своихъ лѣкарствахъ; и когда одно не удалося, то вмѣсто признанія своей ошибки, говорилъ, что *болѣзнь моя весьма упряма*, а того вѣкъ не промолвилъ, что онъ ошибся и вовсе не угадалъ.

Я не говорю, чтобъ между столь великимъ множествомъ вещей, въ естествѣ міра нахо-

дящихся, не было полезныхъ къ сохраненїю здравїя человѣческаго. Я конечно разумѣю, что одна вещь не сложная съ другою, смягчаетъ, или прохлаждаетъ, другая дѣлаетъ влагу, а третья сушитъ и мокроты поглощаетъ. По себѣ знаю, что хрѣнъ горячитъ, клюква холодитъ, капуста дѣлаетъ вѣтры, а рабарбара слабитъ. Не отрекаюсь, что и я многими вещьми пользуюсь и что натура обильна и сильна всѣмъ, что къ сохраненїю нашего здравїя потребно. Я вижу, что щука въ водѣ съ тросникомъ живетъ согласно, а куликъ съ болотомъ. Видно, что натура ихъ влечетъ быть тамъ, гдѣ они и питаются и здравїе свое сохраняютъ. Но я мало вѣрю умствованїямъ человѣческимъ, на одной догадкѣ основаннымъ, а и того меньше такой наукѣ и искуству, которые почти ни когда успѣхомъ своимъ не доказываютъ ихъ истинности, а противное безпрестанно въ нихъ обличается, и что мы ослѣплены будучи сею наукою, не только оставили самую натуру и ея объ насъ попеченїе, но и мѣръ и предѣловъ въ томъ ни какихъ не знаемъ. Коликое уже число было врачей на свѣтѣ? древнѣйшихъ мы называемъ отъ времени Эскулапа, Греческихъ, римскихъ и Арапскихъ, которыхъ имена и дѣла какъ славнѣйшихъ Писателей по книгамъ извѣстны. Ихъ было, по изобрѣтенїе печатанїя книгъ, сколько мнѣ извѣстно, пятьдесятъ

седмь;

седмь), каковыхъ здѣсь нужды нѣтъ мнѣ именовать, а новымъ и числа нѣтъ. Всѣ сїи врачи, каждый держался своей особенной системы. Не сумнѣваюся, что Буртавъ славный, который учеными Медиками названъ за искусство свое Великимъ, истинность своего врачеванїя лучше прежнихъ всѣхъ доказалъ: но чтобъ я жизнь мою отважилъ, на опытъ его новаго какого либо изобрѣтенїя, за безумїе то почитаю. Пускай врачи говорятъ, что всякїя ихъ душистыя воды, цвѣты, маслы, спирты, мозгъ нашъ очищаютъ. Кто ихъ любитъ, тому они и полезны, а у меня отъ всего душистаго голова болитъ. Люби, кто хочетъ, ученое врачеванїе, моей натурѣ оно уже несносно. Претерпѣвъ отъ него столь много, не могу себя одолѣть, чтобъ болѣе ему вѣрить. Праотцы наши жили такїе вѣки, до которыхъ мы нынѣ не доживаемъ. Врачебной въ ихъ времена науки не было: но врачи однакожъ были, которымъ, какъ видно по ихъ наименованїю, мало они вѣрили, и за худые ихъ успѣхи, можетъ быть, они издревле и названы врачами, которое наименованїе не отъ почтительнаго корени въ Рускомъ языкѣ происходитъ.

Заключаю симъ; ежели мнѣ кто скажетъ, что Науки Врачебной винить не должно, она сама по себѣ основательна и многими вѣками будучи извѣданная, приведена уже въ совершенство: но виноваты бываютъ врачи, которые разно

знаютъ, разно мыслятъ и разно дѣйствуютъ. Отвѣтствую: пускай же Врачеваніе ко мнѣ больному одно и приближается и меня, ежели можетъ, само собою врачуетъ, а Врача къ больному съ Наукою пустить бѣдственно, видя: что стократно больше опасности отъ него, нежели помощи отъ его Науки.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строки. съ низу.	Напечатано.		Чита
4	— 2	ge:re	—	genere
9	— 19	отдать	—	отдават
16	— 6	собую	—	собо
16	— 11	сердце всегда	—	сердце с другимъ всегд

